

Сергей ВИКУЛОВ

ОГНЕННЫЙ СЛЕД

О ПОЭМЕ СЕРГЕЯ ОРЛОВА
«НА ОСТРИЕ СТРЕЛЫ БАГРЯНОЙ»

ЕЩЕ одна, четвертая по счету, публикация в «Нашем современнике» неизвестных до сих пор произведений Сергея Орлова, обнаруженных в оставленных им бумагах Виолеттой Степановной — вдовой поэта. На сей раз — снова поэма, вторая по счету из увидевших свет после его смерти.

Первая, «Командир танка», была напечатана в № 5 «Нашего современника» за 1978 год. В центре ее — школьный друг поэта, ставший тоже танкистом и погибший на Мамаевом кургане в Сталинградской битве, Герой Советского Союза Иван Малоземов.

В настоящей поэме, кстати, оставшейся без названия («На острие стрелы багряной» название наше), поэт рассказывает о себе, решив, видимо, и вполне справедливо, что его личная судьба типична для судеб миллионов и миллионов парней, со школьной скамьи ушедших на фронт, оставивших в тревоге и печали не только матерей, но и любимых, еще не ставших женами. Так по крайней мере было у самого поэта.

К сожалению, поэма осталась незавершенной.

Незавершенной по той же причине, по какой она (да и та, «Командир танка») осталась и неопубликованной. А причину эту, мне кажется, наиболее точно объясняют воспоминания матери поэта, Екатерины Яковлевны. В недавнем разговоре со мною она припомнила: «Как-то, в сорок шестом, наверное, это было, Сережа пожаловался: «О войне хочется писать, мама, а стихи такие уже не в моде. Говорят: «На мирный труд людей звать надо...»

Что греха таить, было такое — мы, участники войны, хорошо это помним. Да и понимаем, конечно. Тысячи городов и сел, фабрик и заводов лежали в развалинах. Те, кто держал оружие, теперь должны были взяться за ломы и лопаты, за ручки плуга, встать к станкам. Горькая, тяжелая, на грани отчаяния работа; порой казалось, что не будет ей конца и не хватит сил человеческих, чтобы справиться с нею.

Задача литературы, в том числе и поэзии, состояла в том, чтобы поддержать в людях веру, разжечь энтузиазм, помочь им перестроиться на мирный труд.

На этот счет немало и говорилось, и писалось. Но при этом забывалось, что душа-то писателей-фронтовиков еще не отошла, не оттаяла. Она еще вздрагивала от каждого неожиданного звука в квартире, холодок страха, боль многих и многих утрат еще сковывали ее, мучили ужасными сновидениями. Душа жила памятью о только что пережитом. И не удивительно, что на бумагу снова и снова ложились строки о войне. Но в книги они не попадали или попадали далеко не все: социальный заказ времени был иной.

Этим, наверное, и можно объяснить то, что поэма, о которой идет речь, оборвана поэтом-танкистом, как говорят, на полуслове... Жаль, конечно, но ничего уже изменить нельзя.

Эпический лад публикуемой поэмы дает основание думать, что в ней могли появиться и другие художественные подробности танкового сражения, кроме тех, которые присутствуют в написанных главах и очень хорошо дополняют наши представления об Орлове как поэте-фронтовике. Читая его книги, я задумывался, почему он так мало, так скупо написал о самом главном в боевой жизни танкиста — об атаке. Ведь водил же он свой танк в атаку, на вражеские пушки, водил, и не раз. «В тесном танке два раза горел, несмотря ни на что — уцелел». Горел... Но как это было? Что переживал он и тысячи других танкистов в момент смертельного поединка одной-единственной танковой пушки, стреляющей на ходу, с четырьмя, а то и с восемью пушками, заранее окопавшимися и точно нацеленными? Вчитывался в стихи и находил: «Сигнал атаки прозвучал открытым текстом в шлемофонах, и лес разверзся, зарычал, и двинул вдоль склонов по склонам. Белы, приземисты и злы, они полезли на высоты, ломая тяжкие стволы, и вслед за ними шла пехота».

Конечно же, это об атаке... Но не «изнутри», а со стороны, и не о людях, а о машинах... Где же о людях? Ах, вот: «Качаясь от усталости, из боя мы вышли и ступили на траву...» Да, это о самих танкистах, но опять-таки не в момент атаки, а после нее.

Танки на марше и после марша тоже описаны:

«В машине мрак и теснота. Водитель в рычаги вцепился... День, словно узкая черта, сквозь щель едва-едва пробился». Вспоминаются и эти вот строчки, много раз цитированные писавшими об Орлове критиками: «Проверь мотор и люк открой: пускай машина остывает. Мы все перенесем с тобой — «Мы люди, а она стальная...»

И, наконец, в 1948 году появляется стихотворение, в котором мгновения атаки и трагической гибели экипажа становятся в центре внимания поэта:

**Бронебойным снарядом
Разбитый в упор лобовик,
Длинноствольная пушка
Глядит немигающим взглядом
В синеву беспредельного неба...
Почувствуй на миг,
Как огонь полыхал,
Как патроны рвались и снаряды,

Как руками без кожи
Защелку искал командир,
Как механик упал,
Рычаги обнимая,
И радист из ДТ
По угрюмому лесу пунктир
Прочертил,
Даже мертвый
Крючок пулемета сжимая.**

Челябинское танковое училище, 1942 г.

Довольно подробная, дышащая суровой правдой и скорбью картина, и все-таки опять не о самом бое, а о его трагическом финале.

И вдруг эта поэма. Эта картина атаки, которой так не хватало в его стихах:

**Все закружилось в дымной карусели,
Земля в прицеле снизу вверх плыла.
Машина шла, а по бокам летели
Седой метели черные крыла.
В нее столбы огня и дыма вбиты —
Ни зги не видно. Мир суров и мглист.
И встал тогда над башнею открыто
Широкоплечий, в кожанке, танкист.**

И далее:

**В машине мрак, жара, угар...
Фуфайки скинуты. Скорее!
Удар, еще один удар,
Но танк идет на батарею.
Сергею кажется, что он
Сам сапогами сталь кромсает.
Он скинул к черту шлемофон,
Кричит, а что — и сам не знает.**

**Одной ногой, другой ногой —
Рвет рычаги механик резко,
Один рычаг, рычаг другой —
И что-то рушится отвесно.**

**Есть только ненависть, азарт
И радость, жутко от которой.
Удар таранный, вновь удар —
И на пределе рев моторный...**

Нет, не упустил подробностей танковой атаки Сергей Орлов, не мог упустить. Иначе не был бы он поэтом.

Поэма была написана, как считает В. С. Орлова, в 1946—1947 годах и, значит, давно могла быть в активе нашей поэзии о войне, но...

Ленинград, 1945 г.

Впрочем, не будем ни на кого сетовать. «Виноват» в том, что до сих пор стихи эти «не работали», в первую очередь, думается, сам поэт. Ему, как утверждает Виолетта Степановна, высшее удовлетворение доставляло писание стихов, а не их продвижение в печать.

Он очень долго привыкал к написанному стихотворению, считая его незаконченным, откладывал его в надежде вернуться к нему снова, «отшлифовать» и, случалось, забывал о нем, забывал в вечном порыве к новой радости — писанию других стихов.

Не получила завершения в поэме и любовная линия, хотя в общем-то все ясно: любимая, которой герой (а герой здесь — он сам, что и засвидетельствовано строкой: «Ведь я в поэме автор и герой») перед войной успел лишь робко признаться в любви, вышла замуж за другого. Любимая — это та самая «Л. П.», которой будут посвящены потом многие послевоенные стихи, в том числе такие, как «Голос первой любви», а чуть позже и поэма «Одна любовь»,

проникнутая пронзительным чувством запоздалого раскаяния и ненужных теперь признаний...

Встреча, которой ищет герой поэмы через многие и многие годы, наконец состоялась. Но не принесла, да и не могла принести она утешения или радости ни одному из героев поэмы.

**Для счастья припасенные слова
Под Мгой и Псковом, на ветру открытом,
Давно в огне сгорели, как трава
Вокруг брони, расколотой термитом.**

Неизгладимый, огненный след оставила в душе поэта война. Через все его творчество пройдет тема фронтового товарищества, воинского мужества, в основе которого был наш советский патриотизм, беспредельная любовь к Родине.

Сергей Орлов — и это сейчас признано всеми — один из самых талантливых и ярких летописцев войны. Он был в самом пекле ее, под градом снарядов и бомб, сто раз мог быть убит, испепелен, как были убиты многие его ровесники, хорошо начинавшие в предвоенные годы. Какой войну видели они, мы уже никогда не узнаем: они погибли слишком рано. Сергею Орлову, как и его сверстникам Михаилу Луконину, Николаю Старшинову, Юлии Друниной, Александру Межирову и другим, судьбой было начертано рассказать о войне и за себя, и за них. И Сергей Орлов исполнил этот долг с честью.

Сергей ОРЛОВ

На острие стрелы багряной

ПОЭМА

**У меня есть на земле одна любовь,
которая мне не изменит до смерти, — это Жизнь.**

1

Июльской ночи тополиный пух...
Бал выпускной. Играют вальс
баяны,
И все мальчишки подпевают вслух,
И все летит в кругу, от счастья
пьяном.
И ты — в цветастом, ярком,
голубом —
Летишь, не помню с кем,
не уставая,
Назвав меня с улыбкою «столбом»

За то, что только стены подпираю...
И я решил все же под конец.
Последний вальс...
Заря промыла стекла.
И вот кружится увалень, юнец,
Ему всю душу захлестнуло
Теплым,
Большим,
Туманным...
Разворот, другой —
От ветра раздувается рубаха...
И вдруг на ножку легкую
Ногой